

Б.Е. Лосев

Борис Евгеньевич Лосев ушел на фронт в 18 лет.

Прошел войну до самого конца. Вернувшись в Свердловск, поступил в Уральский университет им. Горького, на фил-фак. После окончания вуза почти всю свою трудовую жизнь связал со Свердловским пединститутом (ныне Уральским педуниверситетом).

Здесь он прошел путь от ассистента до доцента кафедры современной русской литературы, защитил кандидатскую диссертацию. Большой популярностью пользовалось у студентов литературное объединение, которое организовал Борис Евгеньевич, а лучшие творческие опыты помещались в рукописном журнале.

Борис Евгеньевич – человек увлеченный, великолепный знаток уральской природы, заядлый рыболов. И после ухода на пенсию он продолжает заниматься литературой.

Статья Бориса Евгеньевича, которая печатается ниже, это живое свидетельство фронтовика о том, какую роль выполняла поэзия в годы Отечественной войны.

ТАЛИСМАН ВЕРНОСТИ

(СТИХОТВОРЕНИЕ К. СИМОНОВА «ЖДИ МЕНЯ» В ВОСПРИЯТИИ ФРОНТОВИКОВ)

Поэзия Отечественной войны была одухотворена стремлением поддержать солдата, вселить в него надежду, согреть сердце. Поэтическое слово, чтобы стать действенным, должно материализовать себя в сознании и воле читателя, оно должно проникать в его душу. Примером этого могут быть многие стихи и песни времен Отечественной войны: Но особенно примечательна судьба стихотворения Константина Симонова «Жди меня». Оно не просто понравилось любителям поэзии, оно стало талисманом любви и верности для миллионов людей. Его заучивали наизусть, посылали в письмах на фронт и с фронта в тыл, его находили в карманах гимнастеров, пробитых пулями. Почему глубоко личное стихотворение получило такой широкий общественный резонанс, на который не рассчитывал и сам поэт?

В конце 1941 года в журнале «Новый мир» №№ 11-12 появился цикл стихов «С тобой и без тебя», состоящий из десяти стихотворений, с посвящением «В.С.» (Валентине Серовой, известной актрисе, возлюбленной поэта). Имелся подзаголовок – «Лирический дневник». В этом цикле отразились очень сложные, порой драматические отношения двух любящих взрослых людей. Стихотворение «Жди меня, и я вернусь» стояло вторым. С годами цикл пополнялся и завершился в 1954 году стихотворением «Я не могу писать тебе стихов», послед-

ними строчками которого были «Я просто разлюбил тебя. И это / Мне не дает стихов тебе писать». Кончилась любовь – кончились и стихи.

Цикл не получил широкого распространения. Журнал с небольшим тиражом имел ограниченную читательскую аудиторию, да и жанр лирического дневника не предполагал высокой гражданственности. В пятидесятые годы даже ходила легенда, что Сталин, познакомившись с этим циклом, изрек: «Отпечатать в трех экземплярах. Один отдать Симонову, другой – Серовой, третий – Суркову» (Последний был редактором сборника «С тобой и без тебя»). Легенда легендой, но цикл, несомненно, нес оттенок автобиографичности и документальности, и если не учитывать своеобразие лирики как жанра, то действительно можно посчитать этот цикл интимным дневником. В лирике же «я» содержит в себе не только индивидуальные чувства и черты, но и типические чувства и черты современников. И чем выше талант поэта, тем больше в поэтическом «я» выражается, аккумулируется дух, сущность времени. К. Симонов еще до этого цикла проявил в своем творчестве тяготение к сильным, мужским характеристикам, с жадной подвига, к точному ощущению современности. Вспомним поэмы «Победитель» – о Н. Островском (1937), «Ледовое побоище» – об А. Невском (1938), «Суворов» (1939), пьесу «Парень

из нашего города» (1941). Поэтому своеобразие личности поэта не могло не проявиться и в цикле «С тобой и без тебя». Но не сразу заметили гражданскую значимость стихотворения «Жди меня, и я вернусь» даже опытные редакторы. Когда К. Симонов предложил это стихотворение среди других газете «Красная звезда», спецкором которой он был, редактор Д. Ортенберг отверг его: «Эти стихи, пожалуй, не для военной газеты». И добавил, что, мол, «нечего растравлять душу солдата – разлука и так горька!»

Нужно согласиться, что основания для такой оценки были, если не обратить внимание на форму, жанр стихотворения: «Жди меня, и я вернусь» – это не плач, не боль и страдание от разлуки, а закливание-наказ, своеобразный заговор от напастей, что выражено и утверждающим ритмом, и короткими энергическими строчками, и настойчивыми повторами слова «жди». Стихотворение не «растравляет» душу, а, наоборот, заостряет сердце мужеством, вселяет веру, надежду в то, что влюбленные и в годы тяжелых испытаний сохраняют свое чувство.

Но Д. Ортенберг (а К. Симонов с большим уважением и признательностью относился к нему на протяжении всей войны), видимо, все-таки убедил поэта, что эти стихи «не для военной газеты», т.е. не для фронта. Вот почему когда другой редактор другой газеты («Правда») П. Поспелов спросил К. Симонова, нет ли «чего-нибудь подходящего», поэт ответил «нет». Но после повторной просьбы сказал: «Вообще-то есть. Но эти стихи не для газеты. И уж во всяком случае не для «Правды». Поспелов попросил все же прочитать стихи. После знакомства с ними редактор сказал: «По-моему, хороши». Подошедший член редколлегии «Правды» Е. Ярославский согласился с оценкой редактора.

14 января 1942 года стихотворение «Жди меня, и я вернусь» появилось в «Правде», 9 апреля в «Комсомольской правде», позднее – в других изданиях, в том же 1942 году – в Свердловске, потом во всех фронтовых газетах.

Большой поэт сказал то, что нужно было сказать в нужный момент. Стихотворение «Жди меня» стало народным талисманом, залогом Победы.

Оно было напечатано на второй странице «Правды» под развернутой фотографией «Конники 3-й Гвардейской дивизии идут в атаку», рядом с очерком «Долг» (о Т. Калийной, спасшей раненых бойцов) и статьей «Изверги-разрушители и людисозидатели» (о расстрелах фашистами жителей в Калининской области и восстановлении г. Калинина после изгнания немцев). Заключал страницу очерк «Подвиг учительницы Ляшковой».

С одной стороны, стихотворение визуально выделялось на фоне прозаического текста, оно сразу привлекало к себе внимание, с другой стороны, материал о подвигах воинов и мирных граждан создавал напряженное энергетическое поле, героическую ауру – тот контекст, в котором личностное стихотворение, посвященное конкретному человеку, получало обобщенный смысл, всенародное звучание, находило отклик в сердцах читателей. Простота слов, незамысловатость рифмы, отсутствие сложной образности порождали ощущение естественности, доверенности интонации. И дело не в том, что поэт, или читатель верит в некую магическую силу слова. Дело в совершенно реальной силе внушения. Солдатам нужна была уверенность в том, что их по-прежнему любят, помнят и ждут. А тылу – получить еще одно подтверждение того, что с любимыми ничего не случится. Роль стихотворения «Жди меня» можно сравнить с выигранным крупным сражением¹.

¹ В 1998 г. появилась книга Д. Щеглова «Любовь и маска», в которой утверждается, что стихотворение «Жди меня» посвящено заключенным (!?). Вот аргументация автора: «В 1941-м никто не мог предположить, что война будет длиться и зимой, «когда снега метут», и летом, «когда жара». Это стихи о заключенных. Они были опубликованы поэтом в начале войны и благополучно в течение многих лет читались как военные» (с. 217).

Ни К. Симонов, ни В. Серова не были репрессированы. Никаких «лагерных» намеков в стихотворении нет. А образная пара «зима – лето» вообще характерна для мотива ожидания в народной поэзии. Поэтому домыслы автора статьи не имеют под собой никаких оснований. А само заявление умаляет общественную и гражданскую роль, которую сыграло стихотворение в годы Великой Отечественной войны.